
Лилия Романова
ПОПАДАНКА
С ЗАПАСОМ ЛЕТА
ВЕСНУ НЕ ЗАПИРАЮТ

Лилия Романова

Попаданка с запасом лета. Весну не запирают

«Автор»
2026

Романова Л.

Попаданка с запасом лета. Весну не запирают / Л. Романова — «Автор», 2026

Тоня Берестова купила старое полотно для занавески — и во время грозы попала через мокрую ткань в чужой мир.В Орлине летнее тепло хранят в складках, ветер выпускают из гребня, а дождь выдают по мере надобности. За кров и еду Тоня помогает в Погодном доме, пока однажды не слышит человеческий голос из-за груды полотна.Сорок восемь лет город держит свою Весну в плену.Тоня освобождает её — и рушит привычный порядок. Теперь ей предстоит пройти по старому руслу, пересчитать последние запасы тепла и найти общий язык с Раданом Леском, смотрителем перевальных дорог. Он знает, чем грозит свобода Весны. Тоня знает цену неволи. И чем опаснее становится путь, тем труднее ей держаться от Радана подальше.Весна требует свободы. Город хочет вернуть удобную жизнь. А Тоне предстоит решить, можно ли освободить пленницу и не потерять тех, кого она успела полюбить.

© Романова Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Занавеска от чужого дождя 5
Глава 2. Двенадцать теплых складок 10
Глава 3. Шов толщиной с палец 15
Глава 4. Овощи, которые не дождались зимы 19
Глава 5. Женщина за полотном 24
Глава 6. Весне нельзя открывать дверь 29
Глава 7. Капля на другой стороне 33
Глава 8. Куда ведет старая вода 37
Конец ознакомительного фрагмента. 39

Лилия Романова
Попаданка с запасом лета. Весну не запирают

Глава 1. Занавеска от чужого дождя

Тоня успела подумать, что Вера опять окажется права насчет ее любви к дешевым вещам, когда мокрая занавеска потянула ее с балкона.

Не ветер. Ветер дул в лицо, холодный, с мелкими брызгами. Ткань тянула в другую сторону, туда, где за ней полагалось быть облупленной стене. Тоня уперлась пяткой в порог и вцепилась в край обеими руками. Выпустить старую тряпку было разумнее всего. Еще разумнее было не выходить в грозу в домашних туфлях. Только плотное полотно, купленное на субботнем развале, прилипло к пальцам так, что она не могла их разогнуть.

Час назад надо было позвонить сестре и узнать, подошел ли ей отрез. Тоня сама отхватила его, пока гостила у Веры: на маленькое кухонное окно как раз хватало. Теперь вспомнилась не кухня, а сестрина рука с ножницами. Вера хотела подровнять неровную кромку; Тоня остановила: пусть остается, там интересная вышивка.

По этой самой вышивке сейчас бежало белое свечение.

— Да отцепись ты, — сказала Тоня, еще надеясь, что с вещью можно договориться тоном человека, который тринадцать лет объяснял пассажирам, почему автобус без водителя никуда не поедет.

Раздался треск. Стена за полотном ушла в глубину, будто ее стремительно отодвигали вместе со всем домом. Между двумя мокрыми слоями открылась щель. Тоня увидела сквозь нее желтую плитку, деревянную перекладину и чужое лицо.

Пожилая женщина по ту сторону вскинула руки.

Потом балкон исчез.

Тоня упала на колени, больно ударилась о каменный бортик и оказалась по пояс в воде. Чужая женщина держала ее за ворот свитера. Ткань, намотанная на Тонино запястье, все еще тащила назад, но теперь назад был потолок с темными балками. Вода стекала туда, поднимаясь по натянутому полотну вопреки всему, что вода умела делать до сегодняшнего дня.

— Руку сюда! — крикнула женщина. — Вторую! Край брось!

— Я не могу его бросить, он сам!

Женщина схватила со стены деревянную лопатку, просунула между тканью и Тониной ладонью. Полотно лопнуло с сухим резким звуком. Ее рвануло вперед, и женщина, охнув, села на пол вместе с ней.

Наверху что-то шуршало, оседало. В лицо полетели светлые волокна. Тоня зажмурилась, прикрыла рот ладонью. Когда она снова смогла посмотреть вверх, под потолком висела обыкновенная перекладина. С нее свисало несколько оборванных нитей. За ними была стена.

Та самая стена, которой раньше не существовало.

— Ноги целы? — спросила женщина.

Тоня посмотрела на свои ноги. Одна домашняя туфля сохранилась, другая плавала в каменном корыте возле зеленой щетки.

— Кажется.

— Тогда вставай. Только за стойку не хватайся.

Голос был сердитый и такой деловой, что Тоня послушалась. Поднялась, придерживая свитер, с которого лилась вода, и поняла: женщина тоже промокла. На ней были темная юбка,

полотняная рубаха и длинный серый передник. Седые волосы заколоты двумя деревянными шпильками. Одна выбилась и теперь торчала почти поперек, отчего суровое лицо казалось еще суровее.

— Я вам ее поправлю, — сказала Тоня и потянулась к шпильке.

Женщина отшатнулась.

— Ты бы сначала о себе подумала.

Тоня опустила руку. Это было справедливо. О себе следовало подумать немедленно, только она пока не могла решить, с какой именно части себя начинать.

В маленькое высокое окно падал солнечный свет.

За полминуты до этого за ее балконом была гроза. Темный октябрьский день, голые верхушки тополей, оранжевая машина у подъезда. Здесь за окном колыхались зеленые листья, и на подоконнике грелась толстая муха.

— Где я?

Женщина медленно вытащила шпильку, свернула распавшийся узел волос и заколола заново.

— В Погодном доме. Орлин. Меня зовут Эдна Рем. А тебя?

— Антонина Берестова. Тоня. Какой Орлин? Это далеко от...

Она назвала свой город.

Эдна не переспросила. Внимательно посмотрела на нее, потом на мокрые обрывки под ногами.

— Где ты взяла полотно?

— На рынке. У женщины. Она еще старые чашки продавала и скатерти. Я хотела занавеску. Сначала постирала, оно очень плотное, я решила, пусть еще дождем промоет. Веревка у меня на балконе провисает, я вышла перехватить угол. — Тоня слышала, что говорит все быстрее, и не могла остановиться. — Я его не крала. Если оно ваше, заберите, только покажите мне, как назад. У меня дверь на балкон открыта.

Последние слова прозвучали беспомощно. Открытая дверь, мокрый пол на кухне, телефон на столе, который она не взяла с собой, потому что вышла на одну минуту. Вера позвонит, а телефон останется лежать возле миски с прищепками.

Эдна нагнулась и подняла уцелевшую туфлю.

— Сначала вытрем тебя.

— Мне надо назад.

— Я услышала.

— Вы так сказали, будто сейчас принесете полотенце, а потом я передумаю.

Эдна протянула ей туфлю. Ее пальцы оказались крепкими, узловатыми, с белыми полосками нитей в складках кожи.

— Сейчас я принесу полотенце, потому что ты дрожишь. После поговорим. Там, откуда ты пришла, сухому человеку тоже легче думать?

Тоня хотела возразить, но подбородок у нее действительно трясся. Она кивнула.

Вслед за Эдной пришлось пройти через длинную комнату, где на деревянных решетках лежали свертки. Одни были перевязаны желтой бечевой, другие синей. Под потолком висели пустые рамы, похожие на сушилки для белья. На каждом столбе прибита дощечка с надписью. Буквы Тоня понимала, хотя написаны они были странно, с короткими хвостиками: «Пустое», «Влажное», «До проверки не трогать».

Последняя надпись почему-то успокоила ее сильнее всего. Значит, даже здесь существовали люди, которым приходилось объяснять очевидное.

В кухне пахло печеным луком. На столе стояли две миски, но вторая была перевернута, а возле первой лежали хлебные корки и нож. Эдна достала из сундука широкую рубаху, юбку с завязками и старый передник.

— Сними мокрое. За дверью крючок. Обувь поставь к печи, близко не двигай.

Тоня посмотрела на одежду.

— Я потом верну.

— Вернешь.

Это простое согласие было почти обещанием будущего. Не доброго, не понятного, но такого, где одежду можно вернуть. Тоня разделась за узкой дверью, ведущей в чулан, и долго не могла вытащить ногу из мокрой штанины, зацепившейся за пятку. Сердилась на нее до слез. Все, что случилось, было слишком большим, чтобы с этим сразу справиться, а штанина поддавалась хотя бы рукам.

В свитере обнаружилась полоска полотна. Она прилипла к боку и сохранила старый узор: двойную линию с короткими поперечными стежками. Тоня сняла полоску осторожно. Не выбросила. Если целая вещь привела ее сюда, кусок по крайней мере оставался доказательством, что это случилось с ней, а не приснилось.

Когда она вышла, Эдна уже разливала похлебку. На плите тихо постукивала крышка, обычная, железная. Тоня села, обхватила теплую миску ладонями и только тогда заметила, что у хозяйки тоже дрожат пальцы.

— Вы испугались? — спросила она.

— Меня довольно давно никто не сбивал с ног в собственной прачечной.

— Простите.

— Ешь.

Тоня взяла ложку. Сначала ничего не почувствовала, кроме тепла. Потом различила лук, чечевицу, крупно нарезанную морковь. От этого стало хуже: у еды был слишком настоящий вкус. Во сне такой моркови быть не могло.

Она поставила ложку.

— Какой сейчас месяц?

Эдна назвала незнакомое слово. Потом, видимо заметив ее лицо, добавила:

— До южной осенней ярмарки двадцать три дня.

— Осенней. А листья зеленые.

— У нас зеленые.

— Почему?

— Здесь выдают погоду. По нужде. Сегодня двору полагается сухой день.

Тоня взглянула на окно. Под навесом сушились три небольших прямоугольных полотна. Одно, бледно-золотистое, чуть шевелилось, хотя листья за ним оставались неподвижны.

— Выдают, — повторила она.

Эдна промолчала. Дала ей доесть половину миски, убрала со стула стопку тряпок и села напротив.

— Ты сама расправила обвод?

— Я не знаю, что это.

— Ткань. Мокрая с двух сторон?

— Да. Дождь попал, и до того я стирала. Зачем с двух?

Эдна провела ладонью по столу, будто хотела убрать крошки, хотя там было чисто.

— Мне нужно посмотреть остатки. Не будем гадать за едой.

Тоне этот ответ совсем не понравился. На станции она сама так говорила, когда вместо времени прибытия знала только, что рейс еще не выехал. Отложенная беда редко становилась меньше.

— А дорога отсюда есть?

— Южная. Через перевал ходят возы.

— Мне бы увидеть.

Эдна посмотрела на ее слишком широкие рукава, потом поднялась.

— До ворот. Дальше сегодня сама не пойдешь. Одежда чужая, денег нет, улиц не знаешь.

Тоня едва не сказала, что ей тридцать четыре года и разрешений она не спрашивает. Но все три обстоятельства были верны. Она допила воду, поставила чашку точно на круглый след от прежней чашки и вышла следом.

Во дворе солнце стояло так низко, словно здесь уже наступил вечер. Деревянная галерея тянулась вдоль второго этажа. Внизу были двери кладовых; к одной пристроили узкий наклонный щит. Возле него валялись глиняные черепки и мокрый веник. Из стены торчал закрытый деревянный желоб, уходивший за двор к ограде.

— Это куда? — спросила Тоня, потому что смотреть на желоб было легче, чем поднимать голову.

— Старый отвод. Сейчас почти не используется.

— А щит?

— Служебный лаз. Из нижней кладовой под лестницу, потом в этот двор. Когда большую дверь заносило, через него таскали пустые рамы. Ступеньки крутые. Не ходи без света.

Эдна говорила так, как хозяйка говорит неожиданной помощнице, куда ставить ведро. Тоня запоминала, не собираясь оставаться.

Ворота открывались на улицу с каменной канавой посередине. Небольшие дома теснились под рыжими крышами. На противоположной стороне человек чинил колесо. Женщина с корзиной замедлила шаг, взглянула на Тоню, кивнула Эдне и пошла дальше. Никто не закричал, никто не удивился странной гостье. Из пекарни за углом тянуло теплой коркой.

А за крышами поднимались горы.

Тоня никогда не видела таких близких гор. Огромные серые склоны замыкали улицу с трех сторон, и лишь на юге между ними был широкий просвет с белой дорогой. Над дальним хребтом лежал снег. Настоящий, яркий, совершенно невозможный рядом с зеленой яблоней у ворот.

Она сделала шаг наружу, остановилась, снова шагнула. Эдна осталась у калитки.

— Орлин? — спросила Тоня, оборачиваясь.

— Орлин.

— В какой стране?

Ответ ничего ей не сказал. Она попыталась назвать соседние страны своего мира. Эдна слушала терпеливо. Когда названия кончились, на улице скрипнуло колесо; человек напротив ударил по ободу деревянным молотком, проверяя посадку. Так же размеренно у Тони за домом по вечерам стучал сосед, который бесконечно мастерил полку.

От этого сходства перехватило дыхание.

— Мне нужно кому-нибудь сообщить, — сказала она. — У меня сестра. Она в другом городе, не сразу хватится. Но на работу я должна завтра к семи. Меня начнут искать. У нас ищут, понимаете? Не сразу, наверное, я живу одна, но начнут.

Эдна подошла ближе. Не дотронулась.

— Понимаю.

— Нет, вы думаете, я просто хочу успокоиться. Я хочу узнать, что делать. Хоть что-нибудь. Мне надо позвонить, а я даже телефон не взяла. Он на кухне. Я ведь на одну минуту вышла.

Она повторила это еще раз и услышала, как глупо звучит. Будто длительность намерения имела значение для того, что с ней случилось.

Эдна подождала, пока Тоня вытерла лицо краем рукава.

— Сейчас мы вернемся. Я соберу то, что осталось. Ты покажешь каждый кусок, который принесла. Потом решим, что можно пробовать.

— Вы знаете, как?

— Я знаю, как не потерять остаток сразу. Для начала этого хватит.

Тоня в последний раз посмотрела на южную дорогу. По ней ехала повозка с круглым свертком на задке. Человек, сидевший на облучке, наклонился к спутнице, что-то сказал. Та засмеялась. Они возвращались куда-то, где их знали. Тоне очень захотелось возненавидеть их обоих за это легкое движение навстречу дому. Она испугалась собственного желания и отвернулась.

В прачечной солнце добралось уже до противоположной стены. Вместо большого полотна на полу лежала горсть сероватого пуха. Эдна принесла гладкую доску, начала собирать на нее волокна. Тоня присела рядом. Пальцы теперь слушались, и это казалось важным достижением.

— У меня есть еще вот это.

Она вытащила полоску из кармана передника.

Эдна замерла.

— Дай сюда. За самый угол.

Тоня протянула кромку, но в этот момент с мокрого свитера, переброшенного через руку, упала капля. Полоска вздрогнула. Ее края приподнялись, словно собирались обхватить невидимую трубочку, и в тесной прачечной отчетливо потянуло дождем с Тониного балкона.

Она дернулась к этому запаху всем телом.

Эдна успела подставить доску. Полоска легла на дерево; нити сжались и затихли.

— Тоня, — сказала Эдна совсем другим голосом, тихим и усталым. — Прошу тебя. Пока я не покажу, не расправляй мокрое полотно.

Глава 2. Двенадцать теплых складок

Эдна положила уцелевшую кромку на подоконник, подальше от воды, и прижала по углам двумя пустыми чашками.

— Ее нельзя сушить у огня. Оставим до утра.

— А если сейчас можно вернуться, а утром уже нет?

Тоня сама слышала, каким требовательным становится ее голос. Она стояла среди чужих тазов, в чужой одежде, и смотрела на две чашки так, будто Эдна нарочно загородила ими единственную дорогу. Женщина не ответила сразу. Сняла с веревки тонкое полотенце, вытерла руки, лишь потом повернулась.

— Если бы я знала такой срок, я бы тебе сказала. Сейчас край сворачивается, потому что осталась одна кромка. Потянешь, она распадется. Я не могу вернуть то, чего больше нет, но могу сохранить это до утра.

Тоня сунула ладони под мышки. Спорить было нечем, а согласиться значило пережить здесь ночь.

— Хорошо. До утра.

— Нужно высушить твою одежду. И мою тоже, раз уж мы обе купались.

Эдна подвела ее к низкому столу. На нем лежал узкий бурый сверток, прошитый темными поперечными стежками. Некоторые стежки почти сравнялись по цвету с тканью. Рядом стояла песочная мера в деревянной оправе.

— Это тепло. Собрали в сухой день, когда солнце нагрело каменную стену. Целая ткань принимает один отпечаток. Вот эта уже не удержит дождь, пока все тепло из нее не выйдет.

— Она как... мешок?

— Если тебе так понятнее, считай мешком. Только из мешка можно пересыпать зерно. Здесь придется снова ловить настоящий теплый день.

Тоня осторожно коснулась ткани. Бурая поверхность была прохладной.

— И почему она сейчас не греет?

Эдна подцепила ногтем край первой темной складки.

— Закрыта. Держи вот тут. Сухими пальцами. Теперь расправь одну, до шва. Следующую не тяни.

Тоня потянула. Складка раскрылась с мягким шорохом, и от стола повеяло теплом. Оно коснулось груди, шеи, потекло в широкие рукава. Тоня ахнула и отдернула руку.

— Не к печи подносить, — сказала Эдна, перехватывая полотно. — Само греет. Возьми свою рубаху, повесь над ним.

— Свитер.

— Пусть будет свитер. Только не положи сверху. Между ним и тканью должен ходить воздух.

Они растянули одежду на деревянной решетке. По мере того как из песочных часов ссыпались крупинки, одна темная прошивка светлела. Эдна дала Тоне самой сложить полотно. Тепло сразу стало слабее, потом исчезло.

Тоня провела рукой над столом. Воздух остался чуть нагретым, как возле закрытой духовки.

— Значит, если раньше свернуть, останется на потом?

— Остаток останется. Полная складка дает примерно десять минут, если греть небольшую комнату. На дворе хватит укрыть двоих, если они стоят близко. На всю улицу ее не растянешь, хоть сам разорвись.

— А если открыть две?

— Будет больше тепла сразу. И запас уйдет быстрее. Поэтому одну. Даже если тебе кажется, что слишком медленно.

Эдна посмотрела на Тоню поверх ткани. Тоня кивнула. Это правило было достаточно простым; она предпочла бы сейчас получить такие же правила для всего остального.

За дверью громыхнуло.

— Эдна, откроешь или мне опять через двор?

— Открыто!

В прачечную вошел мужчина с длинным деревянным шестом в руке. Пришлось пригнуться под перекладиной; выпрямившись, он едва не задел плечом висящую решетку. На нем была плотная серая куртка, сапоги в светлой грязи и ремень с привязанными к нему рукавицами. Волосы потемнели от пота на висках. На лице остался узкий чистый след там, где он вытирал лоб рукавом.

— Нижний желоб держит. Северный подпор опять... — Он увидел Тоню и остановился. — У тебя новая помощница?

— Гостья. Тоня Берестова. Радан Леск, смотритель северного водосброса.

Мужчина поставил шест так, чтобы тот не мог упасть, и кивнул.

— Добрый вечер.

— Для вас, наверное, — сказала Тоня.

Эдна коротко вздохнула. Радан скользнул взглядом по ее мокрому свитеру, по голым щиколоткам под чужой юбкой и ничего не спросил.

— Мне нужно теплое дорожное. То, где двенадцать целых.

— Выдача через старшину.

— Я просил позавчера.

— Я помню.

— Тогда пусть Вельм сам идет к северному затвору. Хотя бы посмотрит на него при дневном свете.

Радан говорил ровно, но Тоня узнала эту ровность. Так водитель произносил фамилию человека, в очередной раз не подписавшего замену старых колес: вежливо, с большим запасом невысказанного.

Эдна открыла верхний шкаф. За стеклом лежало светлое полотно, сложенное двенадцатью одинаковыми ступеньками. Каждая была прошита темной нитью. Рядом стоял глиняный кувшин с четырьмя насечками и лежал плоский костяной гребень, у которого сохранились три длинных зубца.

— Дорожный набор цел. Я его не трогала. Будет разрешение, заберешь. Сейчас могу дать две начатые складки на осмотр.

— Мне предстоит пробыть там несколько дней.

— Тогда не уходи с двумя.

Он положил ладонь на дверцу прежде, чем Эдна успела закрыть шкаф, но внутрь не потянулся.

— Если северная тропа обвалится, разрешение понесут по каменному обходу? Ты помнишь, когда там последний раз поднимали решетку?

— Помню. Я тогда ее и смазывала. Радан, не со мной спорь о запасах.

Мужчина убрал руку.

Тоня посмотрела на гребень.

— А это тоже погода?

— Ветер, — ответила Эдна. — По сухой кромке проводят зубцом. Каждый отдает свой запас один раз, потом белеет и крошится. А в кувшине рядом холод. Под глиняной крышкой зимний отпечаток.

— Четыре зимы?

Радан повернул голову.

— Четыре коротких выпуска. Зиму целиком удобнее оставлять снаружи.

Это было сказано без улыбки. Тоня все же фыркнула, неожиданно для себя. Следом ей стало стыдно: сестра когда-нибудь будет вспоминать этот вечер как начало ее исчезновения, а она тут смеется над чужими кувшинами.

Эдна заперла шкаф и повесила ключ на шнурок у пояса.

— Ветер и холод сегодня трогать не будем. Сначала научишься отличать пустое от полного.

— Я еще не решила, что здесь останусь.

— Речь о нынешней ночи.

Радан глянул на Тоню внимательнее.

— По южной дороге сегодня уже поздно. К сумеркам за перевалом дождь.

— Я не собираюсь на вашу дорогу.

Он поднял обе ладони, отступая от разговора, и взял шест. Такой быстрый отказ от участия почему-то рассердил ее еще сильнее. Если человек уже вмешался, мог хотя бы спросить, куда ей надо. Она понимала несправедливость этого требования, но пока не могла с ней ничего сделать.

Эдна ушла за начатым полотном. Радан остался у дверей. Тоня сняла свитер с решетки: рукава были почти сухими, спина еще влажная.

— Можно перевесить ближе? — спросила она.

— Лучше перевернуть, — сказал он. — С обратной стороны воздух стоит.

Тоня перевернула. Он придержал решетку за край, пока она расправляла ворот. На правой руке у него темнела старая тонкая царапина; ноготь большого пальца был коротко оборван. Обыкновенная рука человека, который много делает сам. Тоне стало легче от этой обыкновенности.

— Здесь все умеют этим пользоваться?

— Складку открыть умеют почти все. Остановиться вовремя реже.

— Я именно спрашиваю, — сказала она. — Это не было предложением оценить мои способности.

Радан поднял на нее глаза. Серые, светлее, чем она ожидала, с усталой краснотой в уголках.

— Тогда отвечу точнее. Я учился у Эдны. Первое свое полотно распустил целиком. Потом сушил сапоги возле обычного костра.

Эдна вернулась с бурым свертком, похожим на тот, которым они только что пользовались.

— И теперь каждый раз рассказывает об этом так, будто я заставляла его ходить босиком.

— Ты сказала, что хорошему смотрителю полезно представлять последствия.

— Ты хотел уйти на двое суток с мокрыми ногами.

Они явно спорили об этой истории много лет. Тоня вдруг почувствовала себя лишней на чужой кухне, хотя находились они в прачечной. У этих людей было общее прошлое, длинное и привычное. Она стояла рядом в юбке, которую даже завязывала неправильно, и не знала, как попроситься в настоящее, не обещая остаться.

Радан убрал полотно в кожаную сумку.

— Утром проверю нижний мост. Если придет вода с верхних дворов, предупреди до выдачи дождя.

— Предупрежу.

— И не суши ничего на старом отводе. Там щель разошлась.

Он ушел, придерживая дверь плечом, чтобы не ударила. Эдна еще несколько мгновений смотрела ему вслед.

— Он всегда разговаривает так, будто заранее знает, что остальные уронят ведро? — спросила Тоня.

— Часто ведро и правда роняют. От этого трудно отучиться ждать.

— Но вы его не отучаете.

— Мне шестьдесят семь лет. У меня хватает работы и без воспитания взрослых мужчин.

Эдна поставила перед ней небольшую корзину.

— Если хочешь занять руки, здесь пустое. Без запаса. Нужно промыть кромки, потом развесить. За это получишь ужин, комнату и завтрак. Завтра решим дальше.

Тоня взялась за ручку, но не подняла корзину.

— Вы меня и так покормили.

— Это было после падения в мое корыто. А сейчас я предлагаю работу.

— Мне нравится, когда понятно.

— Мне тоже. Хотя по нашему разговору не скажешь.

Работы оказалось больше, чем вмещала корзина с виду. Каждое полотно требовалось расправить, найти метку, проверить, посветлели ли все швы. Пустые не пахли ничем, кроме влажной ткани. На одном сбоку затянулся плоский двойной узел. Тоня подцепила длинный конец и потянула.

Эдна перехватила ее запястье.

— Этот только затянешь. Смотри. Сначала маленькую поперечину отпусти ногтем. Вот здесь, между двумя петлями. Потом короткий край поворачивай на изнанку.

Она проделала это медленно. Упрямый узел вдруг раскрылся, оставив на ткани мягкий след.

— Такие на пустом тоже бывают?

— На всем, что надо держать под ровным натяжением. Длинный конец принимает нагрузку. Короткий позволяет снять ее понемногу.

— Вы потом проверите мои?

— Каждый.

Тоня неожиданно испытала благодарность за это обещание. Ей сейчас совсем не хотелось быть самостоятельной там, где ошибка могла снова открыть стену.

Когда снаружи стемнело, они принесли белье в кухню. В Погодном доме загорелись лампы с толстыми стеклами. Из дальней кладовой донесся тихий протяжный звук, похожий на скрип двери, которую очень медленно закрывали.

Тоня обернулась.

— Там кто-нибудь есть?

Эдна переставила лампу с края стола в середину.

— Старые растяжки. К ночи тянут сильнее.

В голосе ничего не изменилось, но она слишком быстро взяла тарелки. Тоня отметила это и тут же потеряла мысль: перед ней поставили хлеб, сыр и оставшуюся похлебку. Голод вернулся внезапно, неудобно, как все телесное, продолжавшее жить по своим правилам.

За ужином Эдна показала ей верхнюю комнату на маленьком рисунке дома, нацарапанном возле кухонной двери. От лестницы направо, дверь с железной ручкой. Слева жилые комнаты самой Эдны, прямо выход на галерею. На чердак без хозяйки не подниматься: пол местами просел, висят рабочие основы. В подвале не брать ничего с черными завязками.

Тоня заставила себя переспросить, где вода и как запирается дверь. Эти вопросы были ее маленьким согласием дожить до утра.

В комнате стояла узкая кровать, сундук и стул. Окно выходило на яблоню. Сухой свитер Эдна принесла сама, вместе с Тониными брюками; домашние туфли поставила у порога.

— Кромка остается в прачечной? — спросила Тоня.

— Могу принести на доске.

— Принесите, пожалуйста.

Эдна принесла. Тоня поставила доску на сундук, села на кровать и стала считать полоски старого узора. На отрезе, оставленном Вере, они шли точно так же. Вера еще смеялась: у обеих будет по половине одной странной занавески, почти семейный сервиз.

Тоня прижала ладонь к губам. Сначала получалось удерживать все внутри, но потом из нее вырвался короткий звук, от которого стало страшнее, чем от воды, шедшей к потолку.

За дверью остановились шаги.

— Войти? — спросила Эдна.

Тоня покачала головой, хотя этого было не видно.

— Нет. Я сейчас.

Шаги не ушли сразу. Эдна постояла, потом поставила что-то у двери и спустилась по лестнице.

Тоня открыла лишь через несколько минут. На полу была чашка воды и чистый небольшой платок.

Она взяла их, заперлась, разделась. Легла, повернувшись к сундуку. В темноте не было видно ни доски, ни полоски ткани. Приходилось верить, что они еще здесь.

За стеной скрипнула балка. Во дворе кто-то задвинул засов. Жизнь чужого дома укладывалась спать, не дожидаясь, пока Тоня найдет в ней свое место.

Она закрыла глаза и мысленно сказала Вере, что не хотела пропадать. Несколько раз, очень отчетливо, словно сестра могла расслышать это сквозь дождь.

Глава 3. Шов толщиной с палец

Утром Тоня несколько мгновений лежала совершенно спокойно. За окном стучало дерево, по коридору шли, где-то наливали воду. Она еще не открыла глаза и успела решить, что ночевала у Веры. У сестры старая яблоня тоже доставала веткой до стены.

Потом вспомнила, что Вера переехала. В той квартире сестра не жила уже пять лет.

Тоня села. На сундуке лежала доска с кромкой, а возле кровати стояли две домашние туфли. Одна так и осталась жесткой по краю, где высохла чужая вода.

Она оделась в свое. Брюки и свитер возвращали хотя бы привычный силуэт. В зеркальце над сундуком поместилась половина лица: припухшие веки, залом на щеке, прядь, которую она всегда заправляла за ухо. Все свое. Никакой ошибки с чужой жизнью, которую можно было бы кому-то вернуть.

Эдна ждала в прачечной. На столе уже стоял таз с чистой водой, лежали пустое белое полотно и тонкая деревянная палочка. Серый пух вчерашней занавески она собрала в плоскую коробку.

— Сначала поешь, — сказала она.

— Сначала скажите.

Эдна пододвинула стул.

— Тогда садись.

Тоня не села. Прижала доску к груди, как папку, которую несут на неприятный разговор с начальством.

— Я проверила узор и старую метку, — начала Эдна. — Это действительно обводное полотно нашего дома. В прежние времена такими обходили поврежденные участки погодной сети. У ткани две согласованные стороны; если открыть их во влажном состоянии, между ними получается короткий путь. Это полотно потеряли очень давно. Как оно оказалось у вас, я не знаю.

— А куда оно должно было вести?

— К своей посадочной раме. Ты упала туда, где она раньше стояла. От нее осталась только перекладина.

Тоня посмотрела на потолок. Вчера он представлялся случайным потолком чужого мира. Теперь в нем появился адрес. Адрес был, обратной дороги пока не было.

— Сделайте другой такой путь.

Эдна положила на стол ладони.

— Для целого прохода нужна вся основа и обе рабочие стороны. Остались кромка и волокна. Из них нельзя восстановить полотно.

— Можно сшить.

— Шов удержит два куска материи. Здесь почти нет кусков.

— Другое взять.

— Такого нет. Обычное погодное не умеет связывать места.

— Где-нибудь еще?

Эдна помолчала. Тоня увидела, как она выбирает слова, и заранее возненавидела любое утешение, которое можно было выбрать таким образом.

— Я не знаю способа вернуть человека туда, откуда пришла ты. В наших книгах его нет. Я могу показать тебе все, что сохранилось об этом обводе. Могу ошибаться в том, чего не знаю. Но обещать возвращение мне нечем.

Тоня наконец села. Доску положила на колени.

Вчера она боялась, что Эдна не захочет помочь. Этот страх оставлял простор: можно уговорить, заплатить, найти другого человека. Теперь добрая или недобрая воля женщины напротив почти ничего не меняла.

— Давайте попробуем, — сказала она.

— Можно проверить край. Только без рывков.

Они уложили полоску на белую ткань. Эдна смочила губку и отжала ее так тщательно, что на камень не упало ни капли. Провела по краю. Кромка зашевелилась, свернулась желобком. Тоня наклонилась ближе. Внутри было темно, но эта темнота ничем не напоминала комнату, в которую можно заглянуть через щель. Она просто не пропускала взгляд.

— Еще воды.

— Пока достаточно.

Эдна поднесла деревянную палочку поперек. Края ткани медленно сомкнулись вокруг нее, но не пустили внутрь. Палочка осталась лежать снаружи.

Тоня осторожно взялась за два угла. Ей казалось, стоит раздвинуть края, и она наконец увидит, что за ними. Она потянула совсем чуть-чуть. Нити побелели, и по одному стежку побежала крохотная трещина.

— Стой.

Эдна не повысила голоса. Этого хватило.

Тоня разжала пальцы. Желобок выпрямился, оставив на мокром дереве темную узкую полоску. Ни двери, ни запаха балкона. Только вода.

— Если растягивать, отверстие не станет больше, — сказала Эдна. — Рассыплется то, что еще держится. Кромка не заменяет основу.

— Я поняла.

— Тоня...

— Я поняла с первого раза. Просто мне нужно было руками.

Эдна кивнула. Убрала палочку, вытерла стол. Движения были нарочито неторопливыми, будто она давала Тоне возможность выбрать, уйти или остаться.

— Кто тебя ждет? — спросила она наконец.

Тоня смотрела на светлый шов.

— Сестра. Вера. Ей двадцать девять. Она младше на пять лет и все равно думает, что должна за мной присматривать. Родителей давно нет. Мы с ней... — Тоня провела пальцем по краю доски. — Мы иногда две недели не видимся, живем в разных городах. Но сообщения. Фотографии какие-нибудь глупые. Что приготовила, кого в автобусе встретила. Она умеет делать вид, что просто спрашивает про ужин, хотя на самом деле проверяет, не засиживаюсь ли я опять на работе.

— Муж?

— Нет. И детей нет. Я живу одна. Это не значит, что меня можно потерять без последствий.

— Я этого не говорила.

— Знаю.

Тоня поджала губы. Ей хотелось оправдаться за грубость, но извинение сейчас потянуло бы за собой все остальное. Она и так держалась за край стола слишком крепко.

— У вас человек пропал бы, его бы искали?

— Да.

— А что сказали бы тому, кто остался? Если ничего не нашли?

Эдна опустила глаза.

— Не знаю хороших слов на такой случай.

Тоня вдруг поняла, что благодарна ей именно за это. За отсутствие хороших слов. Они сидели в прачечной, в которой пахло влажным деревом, и Эдна не пыталась превратить неизвестность в надежду только потому, что так легче закончить завтрак.

Тоня поднялась.

— Я пока не могу есть с вами за столом. Можно я возьму хлеб и посижу во дворе?

— Можно.

На ступеньках было прохладно. Она отломила кусок хлеба, положила рядом, потом снова взяла. Над воротами пролетающая птица уронила короткую звонкую трель. На Земле сейчас уже обнаружили бы ее отсутствие на утренней смене. Старшая диспетчер сначала позвонила бы сама, потом попросила кого-нибудь зайти. Тоня представила, как чужая рука трогает незапертую балконную дверь, и зажала хлеб в кулаке.

Она не могла ни помочь им искать, ни остановить поиски. Это бессилие не умещалось внутри; хотелось поднять тяжелое, вымыть большое, стереть что-нибудь до настоящей чистоты. Хотелось доказать хотя бы собственным рукам, что от них еще бывает толк.

Когда Эдна вышла за ведром, Тоня спросила:

— У вас работа есть?

— Есть. Пустую кладовую надо разобрать, полки и снятые полотна промыть. За нее и вчерашнюю стирку дам пять мелких. Еда и комната отдельно, пока работаешь.

— Пять мелких — это сколько?

Эдна объяснила: простой обед стоил одну, хорошая обувь много больше, цена мешка крупы зависела от дороги и времени. Ничего, кроме труда на несколько дней, эти пять монет не обещали. Тоня все равно выпрямилась.

— Когда заплатите?

— После приемки. Я должна пересчитать пустые и убедиться, что ни одного полного между ними нет. Сама покажу каждую полку, куда можно лезть.

— Договорились. Только если выяснится что-нибудь про обвод, вы сразу скажете.

— Скажу.

Эдна протянула руку. Тоня пожала ее, удивившись этому деловому жесту. Плата была маленькой, соглашение временным, зато никто не вручал ей чужой дом вместе с обязанностью немедленно полюбить его.

Кладовая находилась внизу, за прачечной. У стены стояли пустые ящики, на полках лежали серые и белые свертки. В дальней части висела плотная завеса с черной каймой. Эдна отметила мелом столб перед ней.

— До этой черты. Дальше крепления старой основы. Я сама разберу, что можно трогать.

Тоня кивнула и взялась за ближние полки.

К полудню они вытащили во двор два ящика. Под ними обнаружились мышиные следы и потерянная деревянная пуговица. Тоня подмела, вымыла пол и даже почувствовала короткое удовлетворение. В любом мире между грязной доской и чистой оставалось понятное расстояние.

За водой пришлось идти к уличному колодцу: домашний бак опустел. Эдна дала ей пару ведер на коромысле. Тоня попробовала устроить его на плече и едва не ударила ведром в косяк.

— По одному донесу.

— Дольше, зато меньше разольешь, — согласилась Эдна.

У колодца стояла широкоплечая женщина в синем платье и спорила с молодым возчиком, который привязал лошадь слишком близко к желобу.

— Митр, твой конь у меня опять пьет прежде ведра.

— Он букв на очереди не читает, Дора.

— Ты читай за него.

Возчик рассмеялся и отвел лошадь. У него были похожие на Радановы светлые глаза, но лицо еще не привыкло держаться серьезно. Он перехватил Тонино ведро, поставил под струю, спросил, не к Эдне ли она. Тоня ответила. Женщина сразу обернулась.

— Так ты та гостья? Я Дора Сивец. Постоялый двор через две улицы, над нижним мостом. Эдна вчера говорила, ты помогаешь ей с полотнами.

— Обычные полки умею. Погоду пока только под присмотром.

— Мне как раз обыкновенный погреб. От стены отсырело. Эдна обещала прислать кого-нибудь с теплом, просушить верхний угол. А у меня два воза прибудут, некогда самой бегать.

Тоня хотела сразу согласиться. Работа у другого человека означала, что она уже могла существовать за пределами милости одной Эдны. Но вспомнила побелевшую нить обвода и заставила себя задержать ответ.

— Я у нее спрошу. Если покажет, что делать.

Дора одобрительно кивнула.

— Спрашивай. Мне в погребе храбрость без надобности. Мне там сухо надо.

Она подняла полное ведро. Митр попытался помочь, получил легкий тычок локтем и пошел к лошади.

Тоня донесла воду двумя ходками. На второй уже нашла, как держать ведро, чтобы дужка меньше врезалась в ладонь. Эдна выслушала просьбу Доры, нахмурилась, сказала, что посмотрит погреб сама сегодня, а Тоня завтра сможет закончить простой участок, если все окажется обычным.

— Сегодня сначала полки, — добавила она. — И не пытайся купить право на комнату всей работой в городе. На эту ночь мы уже договорились.

Тоня опустила пустое ведро. Замечание попало слишком точно, чтобы отшутиться без стыда.

— Мне легче, когда я что-нибудь делаю.

— Тогда делай то, чему успела научиться.

К вечеру Эдна ушла к Доре, оставив Тоне только верхние пустые полотна. Тоня раскладывала их на столе, проверяла побелевшие стежки. На третьем опять попался двойной плоский узел. Она не стала тянуть длинный конец. Ослабила поперечную перемычку, повернула короткий край. Ткань послушно разошлась.

Из-за дальней завесы донесся шорох.

Тоня подняла голову. Подождала. В доме было тихо; с улицы долетало колесное дребезжание, на кухне потрескивала остывающая печь.

— Эдна?

Никто не ответил.

Она подошла к меловой черте. Черная кайма висела неподвижно, хотя секунду назад Тоне казалось, что ткань шевельнулась. За ней пахло землей, которую долго держали в закрытом ящике.

Тоня не переступила черту. Поставила на пол пустой кувшин, чтобы не забыть спросить хозяйку, и вернулась к работе. На этот раз ей очень хотелось, чтобы чужое предупреждение оказалось достаточным объяснением.

Глава 4. Овощи, которые не дождались зимы

Дора встретила Тоню на следующее утро с пустым блюдом в одной руке и сапогом в другой.

— Не спрашивай, — сказала она прежде, чем Тоня успела поздороваться. — Блюдо мое, сапог постояльца, постоялец уверяет, что оставил его возле своей двери. Если встретишь второй сапог, принеси. Пусть хоть пара будет, раз правды не добиться.

Она поставила сапог на лавку, блюдо унесла на кухню. Оттуда доносились голоса, скрип половиц и сердитое шипение воды, попавшей на горячий противень. Постоялый двор был полон обычной утренней суматохи. За столом возле окна двое мужчин складывали дорожные бумаги, женщина поправляла на плече ремень тяжелой сумки. Всем требовалось что-то свое и немедленно.

Тоня задержалась у дверей. Она хорошо знала такое время суток: когда каждый опоздавший уверен, что весь порядок устроен специально против него. В этом доме работали без нее много лет, но происходящее было понятным. Впервые с переноса ей захотелось улыбнуться людям без усилия.

— Погреб там? — спросила она, когда Дора вернулась.

— Под лестницей. Эдна вчера все осмотрела, показала, где сушить. Стену я уже протерла. Осталась полка в углу. Полотно мое, на ящике.

— Она сказала открывать одну складку и дать воздуху выйти в дверь.

— Так и делай. Плату обсудим, когда закончишь. Только наверху ничего не передвигай: там полный мешок крупы, одной не поднять.

Дора посмотрела Тоне в лицо и вдруг смягчила голос:

— Завтракала?

— Да.

— Хорошо. А то Эдна сперва заставит десять раз перепроверить, потом вспомнит про еду. Она всегда такая была.

Дора исчезла на кухне, а Тоня спустилась по ступенькам. Погреб занимал место под половиной дома. Свет из маленького окна падал на ряды деревянных ящиков. Капустные кочаны лежали на соломенных подстилках; морковь была пересыпана песком, репа сложена отдельно. Под потолком на широкой подвесной полке стоял мешок крупы, рядом висели связки лука.

В углу темнело пятно сырости. Вода не текла, лишь медленно проступала между камнями. Эдна еще вчера показала Тоне, где оставить проход для воздуха. Надо было поставить решетку, раскрыть одну складку перед стеной, потом проверить, стала ли сухой поверхность.

Тоня сделала все, как учили. Рыжеватое полотно отдало тепло, воздух потек к лестнице. Она перевернула песочную меру и села на нижнюю ступеньку.

Наверху спорили о счете. Дора отвечала без раздражения, хотя голос мужчины становился все громче. Тоня поймала себя на желании вмешаться. Очень знакомая задача: сначала отделить тех, кому действительно надо уехать, от тех, кто просто хочет быть услышанным. Но ее попросили высушить угол, а не устраивать людям отъезд.

Когда песок закончился, поверхность стены стала светлее. Нижняя доска все еще была влажной. Тоня коснулась ее пальцем, посмотрела на светлеющий шов и решила, что можно сэкономить время. Если подвинуть решетку ближе к полке, тепло достанет и доску, и задние края ящиков.

Она сдвинула решетку. Та зацепилась ножкой за полотно, вытянула его из складок. Под первым швом показался еще один, почти черный. Тоня остановилась. Надо было позвать Дору и спросить, где здесь край одной доли: на старой ткани линии сбились, сбоку лежала лишняя складка.

Наверху зазвенела разбитая посуда. Дора коротко и совсем нехорошо выдохнула.

Тоня расправила еще немного.

Тепло пошло сильнее, и ей показалось, что наконец получается как надо. Она завернула ближайший угол, оставила середину открытой. За ящиками быстро подсыхала темная доска. Можно было закончить, не отвлекая хозяйку, не стоять в очередной раз с глупым вопросом.

Потом пришел мужчина с двумя тюками и загородил лестницу. Ему нужно было поставить вещи в прохладу до отъезда. Тоня объяснила, что в углу сушат стену, показала другое место. Он уперся: Дора всегда разрешала именно здесь. Пока они спорили, дверь наверху захлопнулась от сквозняка.

В погребе стало душно.

Тоня ощутила это не сразу. Сначала вспотела спина, потом к губам прилип сухой теплый воздух. Она обернулась к решетке и увидела, что темных линий на ткани больше, чем должна была открыть. Шесть складок, слипшихся во время хранения, расправились одна за другой. Теперь они отдавали запас одновременно.

Тоня бросилась к полотну. От него не обжигало кожу, но под решеткой собрался тяжелый горячий воздух, которому некуда было уйти. Она стала складывать ткань мокрыми от пота руками, запуталась в углах, распустила один из уже закрытых.

— Дверь откройте! — крикнула она мужчине. — Наверх, настежь!

Он загремел тюками и бросился по лестнице.

Тоня наконец свернула полотно. Тишина после шороха показалась очень громкой. На капустных листьях выступили прозрачные капли. Верхний слой моркови над теплой доской потемнел от влажности. Между холодной каменной стеной и внезапно нагретым воздухом вода собиралась везде, где Тоня меньше всего собиралась ее оставить.

Она схватила пустую корзину. Надо было немедленно вынести овощи на воздух. Подняла первый ящик, поняла, что не удержит, поставила обратно. Тогда решила убрать хотя бы мешок крупы с подвесной полки: вода капала как раз на него.

Она помнила, что Дора велела не передвигать верхнее. Помнила очень отчетливо, пока подставляла табурет.

Край мешка сдвинулся легко. Середина осталась на месте. Тоня потянула сильнее, ткань зацепилась за выступающий гвоздь. Она почувствовала сопротивление, но уже не могла удержать тяжесть.

Шов разошелся.

Крупа посыпалась на табурет, на плечи, на мокрый пол. Тоня прижала ладони к дыре, пытаясь остановить поток. Мешок медленно заваливался набок. Когда в погреб вбежала Дора, он лежал поперек полки, и из него все еще сыпалось в грязную воду.

Несколько секунд Дора просто смотрела.

— Зачем? — спросила она.

Тоня спустилась с табурета. На шее и в волосах застряли зерна.

— Тут очень нагрелось. Я хотела вынести, пока...

— Зачем ты тронула мешок?

— На него капало.

— Я что сказала?

Тоня открыла рот. Можно было рассказать про слипшиеся складки, чужие тюки, захлопнувшуюся дверь. Все это случилось на самом деле. Ни одно из этих обстоятельств не поднимало ее на табурет.

— Не трогать.

Дора перешагнула через рассыпанную крупу, коснулась капустного кочана, развернула внешний лист. Под ним выступила влага. Она пошла вдоль ящиков, проверяя один за другим.

Тоня не решалась двинуться. Слышала, как наверху кто-то спрашивает о завтраке, и хотела, чтобы этот голос замолчал хоть на минуту.

— Мне бы еще стол накрыть, — сказала Дора тихо. — И гостей выпроводить. Теперь нужно все перебирать. Это уже на хранение не пойдет.

— Можно быстро приготовить часть. Раздать...

Дора повернулась.

— Ты кому раздавать решила?

Тоня опустила глаза.

— Я не решила. Просто думаю, что еще можно спасти.

— А я, по-твоему, не думаю?

На лестнице показался Радан. За ним спускался мужчина, ставивший тюки.

— Там жарко, — объяснял он. — Я только вещи хотел оставить. Она все сама...

— Унеси тюки, — сказал Радан.

— Так я же не виноват.

— Сейчас ты стоишь в проходе. Унеси.

Мужчина послушался. Радан оглядел помещение, сразу открыл низкое окно, потом снял с петель верхнюю дверь. Дора принесла корзины. Они начали выносить ящики. Тоня взяла ближайшую и встретилась с Радановым взглядом.

— Не полную, — сказал он. — Половину пересыпь. Лестница узкая, с тяжелой не повернешь.

Она кивнула. Ни упрека, ни утешения. Пока у нее была работа, она могла не стоять посреди сделанного.

Во дворе Дора разделила стол на две части. Сюда то, что можно пустить на кухню в ближайшие дни. Туда то, что еще годилось для недолгого хранения после просушки и переборки. Большинство овощей еще выглядело крепким. Дора отбирала целые корнеплоды для просушки, а кочаны проверяла один за другим, отгибая наружные листья. Там, где под ними задержалась влага, надрезала кочерыжку и откладывала капусту к кухонным корзинам.

— Эти сразу в дело, — сказала она, заметив Тонин взгляд. — Может, и вылежали бы. Только я уже не стану проверять это зимой, когда новую телегу не дождешься. Будем резать, варить, искать, кто возьмет лишнее сейчас.

Тоня перенесла следующую корзину. Овощи не исчезли, но вместо нетронутого запаса у Доры теперь были дни лишней работы и покупка замены до закрытия дороги.

— У вас ведь зимы нет, — тихо сказала Тоня, не понимая, зачем спрашивает именно сейчас.

Дора долго смотрела на нее, прежде чем ответить.

— У нас нет. А по ту сторону перевала есть. Как дорогу занесет, возы и не идут. Ты думаешь, если здесь тепло, крупа сама в миску сыплется?

Тоня взяла следующий кочан. Нож соскользнул по мокрой поверхности. Она положила его и вытерла руки о передник.

К полудню под навесом отдельно стояли овощи для просушки и несколько корзин для срочной переработки. Часть зимнего запаса уцелела, но все отложенное к кухне предстояло заменить. Хорошей крупы в мешке осталось совсем немного: почти вся высыпалась вниз, пропиталась грязной водой и перемешалась с песком. Тоня трижды подходила к рассыпанному, словно могла придумать более удобную правду, и каждый раз отходила.

Радан вернул дверь на петли. Дора села на край стола, положила ладони на колени.

— Сколько я должна? — спросила Тоня.

Дора коротко рассмеялась.

— А сколько у тебя есть?

— Пока ничего. Эдна заплатит, когда закончу кладовую. Еще могу работать.

— Ты уже поработала.

Тоня вздрогнула. Дора заметила, но не отвела глаз.

— Мне от твоего расстройства овощи обратно не уложить. Я их собирала, покупала, перебирала. Мужа шесть лет нет, я весь дом сама держу. Не бедствую, если ты об этом думаешь. Только это не значит, что мне можно потерять столько еды и сказать: всякое бывает.

— Я так не скажу.

— Уже предлагала раздать.

Тоня стиснула пальцами край передника. На языке вертелась глупая шутка про то, что ее лучше не подпускать к стратегическим запасам. Она даже вдохнула, чтобы произнести ее, и вовремя увидела Дорины руки. Красные от воды, с капустным соком на пальцах. Шутка осталась во рту тяжелой и ненужной.

— Я торопилась закончить, — сказала Тоня. — Увидела второй шов, могла остановиться. Не остановилась. Мешок тоже не надо было трогать. Мне хотелось все исправить прежде, чем вы придете.

Дора посмотрела на нее без всякого смягчения.

— Теперь пришла. Исправляй при мне.

Они договорились о мешке хорошей крупы и работе в счет овощей. Дора не назвала срока, но предупредила, что работа понадобится настоящая: таскать воду, мыть, перебирать новые закупки, отмывать погреб. Все, к чему Тоню допустят. За сегодняшний день платы не будет.

Тоня попросила записать. Дора принесла лист, написала несколько строк и дала ей посмотреть. Подпись у Тони вышла кривой; перо цеплялось за бумагу. Она узнала собственный росчерк только по длинной нижней черте.

Радан все это время возился с нижним дверным упором. Когда Дора ушла на кухню, он выпрямился.

— Не ставь себе срок, которого не знаешь, — сказал он.

— Вы все слышали?

— Здесь двор небольшой.

— Я не просила заплатить за меня.

Он нахмурился.

— Я и не собирался. Упор сломан, дверь будет захлопываться. Пусть пока ставит тяжелый камень. Позже заменю.

Тоня почувствовала, как горят уши.

— Простите. Я сегодня любую фразу слышу заранее.

Радан протер петлю тряпкой и убрал ее в карман.

— Понимаю. Но со мной лучше дождаться конца.

Он ушел через кухню, по дороге взяв у Доры пустые корзины, которые нужно было отнести к воротам. Тоня осталась во дворе. Под навесом капала вода с вымытых овощей. Каждая капля будто продолжала считать то, чего она уже не могла вернуть.

До вечера она мыла погреб обычной водой, выметала зерна из щелей и носила грязь наверх. Дора не разговаривала с ней без необходимости. В какой-то момент поставила на ступеньку миску с едой и сказала:

— Поешь. Потом последнюю стену.

Тоня взяла миску. Не стала принимать это за прощение. Ей дали еду, потому что день был длинным, а работа еще оставалась.

В Погодный дом она вернулась с мокрыми рукавами и клочком бумаги о долге. Эдна выслушала все стоя.

— Ты раскрыла больше одной складки, — сказала она.

— Вы показали одну складку. Я открыла остальные. Это мое.

Эдна потерла переносицу, потом убрала руку.

— Завтра к погодным запасам не подходишь. Пустое можно, при мне.

Тоня кивнула.

Ей хотелось, чтобы запрет возмутил ее и вернул хотя бы часть привычной уверенности. Но после длинного дня он принес почти облегчение.

Глава 5. Женщина за полотном

После ужина Тоня принесла в кухню корзину пустых полотен.

Эдна подняла голову от длинного списка.

— На сегодня хватит.

— Они вымыты. Я только узлы распущу, чтобы к утру высохли. Здесь, при вас.

Эдна хотела возразить, потом посмотрела на Тонины руки и пододвинула лампу. Если бы предложила ей прямо сейчас лечь, пришлось бы остаться наедине с тем, как Дора разрезает теплый капустный кочан. Тоня понимала, что от новой работы сделанное не исчезнет. Просто пальцам требовалось что-то, с чем они все еще справлялись.

За окном синело. Время здесь тянулось иначе: длинный чужой день никак не хотел закончиться. На Земле у Тони уже пропали бы две смены. Она считала их против воли, как невыполненные отправления на табло.

На третьем полотне узел не поддавался. Перемычка была забита темной пылью. Тоня не стала тянуть сильнее. Намочила чистую тряпицу, осторожно промыла место стяжки. Из-под серого проступила поперечная светлая полоска. Теперь ноготь легко проходил под нее.

Эдна проследила за движением и кивнула.

— Вот так. Грязь мешает увидеть, куда легла нитка. Силой только затянешь.

Тоня повернула короткий край, расправила полотно. На этот раз благодарность за удачу не принесла радости. Она могла сделать правильно. Значит, могла и утром остановиться.

В дверь постучали. Радан принес два снятых со старого отвода металлических хомута и завернутую в ткань деревянную деталь. Положил все на свободный край стола, но грязные сапоги оставил за порогом. Рядом лег бурый сверток: обе начатые складки, выданные ему Эдной, уже посветлели. Он израсходовал их, просушивая одежду после работы у желоба.

— Нижняя скоба разошлась. До утра подпер, утром придет Митр с брусом. Сана обещала вырезать новый упор.

— Он опять ее уговорил работать вечером? — спросила Эдна.

— Она сама сказала, что лучше вырежет сейчас, чем будет слушать, как он рассказывает о скобе до свадьбы.

Эдна слабо улыбнулась.

— До которой он еще не договорился.

— С этим я ему не помогаю.

Радан взглянул на Тоню. Она поспешно опустила голову над тканью, потом рассердилась на себя и подняла снова.

— У Доры все вымыто.

— Я видел, когда уходил.

— Дверь больше не захлопнется?

— Пока нет. Камень тяжелее сквозняка.

Она провела ладонью по столу, собирая осыпавшиеся нитки.

— Спасибо, что помогли вынести.

— Там нельзя было оставлять.

Радан сказал это без привычного поучительного продолжения. Тоня обнаружила, что теперь ждет именно продолжения: ей нужно было окончательно понять, каким он считает ее после сегодняшнего. Без этого любая короткая фраза оставляла слишком много места для догадок.

Он словно заметил, как она приготовилась защищаться.

— Если бы я думал, что ты нарочно, я бы говорил иначе.

— Это многое меняет для овощей?

— Для разговора со мной меняет.

Тоня подняла на него глаза. Он стоял у лампы боком; свет ложился на висок, на широкую переносицу, на складку возле рта. В нем не было ничего от человека, которого она придумала в первый вечер, когда решила, что ему нравится отдавать распоряжения. Он все еще отдавал их слишком охотно. Но сегодня спустился в сырой погреб и остался там, пока было что выносить.

Тоня кивнула. Лучше ответа она не нашла.

Эдна попросила Радана отнести хомуты в боковую кладовую. Тоня пошла следом за корзиной для пустого. Возле дальней завесы опять стоял поставленный ею вчера кувшин.

— Я слышала здесь что-то, — сказала она Эдне через открытую дверь. — Вы не посмотрели? Как будто...

Слово оборвалось. Из-за полотна донеслось отчетливое:

— Воды.

Радан в соседней кладовой уронил хомут. Звякнуло железо. Эдна появилась так быстро, что едва не столкнулась с Тоней.

— Назад.

Тоня отступила на полшага, но с места не ушла.

— Там человек.

Эдна молчала.

— Вы сказали, растяжки.

Радан вышел из боковой комнаты. По его лицу Тоня поняла: он услышал слово, но не знал, кто его произнес. Он перевел взгляд с Эдны на черную кайму.

— Что там?

— Старая камора, — сказала Эдна.

— Эдна.

Она закрыла глаза. На мгновение лицо стало таким старым, что Тоня испугалась. Потом Эдна взяла лампу.

— Радан, позови старшину. Скажи, что нижнее крепление ослабло. Быстро. Пока никто не успел полезть руками.

— Сначала покажи.

— Пока ты здесь споришь, я теряю время. Ты знаешь, что под домом.

Он колебался. Тоня видела это по тому, как сжалась рука на косяке. Потом Радан вышел во двор. Его шаги быстро стихли.

Эдна поставила лампу на полку. Убрала передний сверток, отстегнула край завесы. За ней оказалась еще одна, более тонкая ткань, натянутая между четырьмя стойками. В центре темнел человеческий силуэт.

Тоня не сразу поняла, как женщина там держится. Полотняные полосы поддерживали ее под руками и поперек бедер; ноги стояли на узкой доске, но колени были согнуты так, словно сил выпрямиться давно не осталось. Голова склонилась набок. Светлые волосы спутались у шеи, лицо казалось серым от тени. Она подняла глаза, когда Эдна подвинула лампу.

Взгляд был ясный, злой и совершенно взрослый.

— Опять поздно, — сказала женщина.

Эдна сняла с маленькой полки чашку. Полка была спрятана за передней завесой; теперь Тоня увидела рядом миску, ложку и сложенную салфетку. Значит, сюда приносили еду. Ходили мимо нее каждый день. Знали, для кого стоят эти вещи.

— Сейчас принесу.

— Я принесу, — сказала Тоня.

— Стой здесь.

Эдна ушла на кухню. Тоня осталась возле натянутой ткани. Женщина смотрела ей прямо в лицо. Ее руки были свободны от локтя, но ладони висели так, словно любое движение требовало слишком долгого решения.

— Вас как зовут?

— Листа.

— Меня Тоня.

— Ты уже говорила наверху.

Тоня оглянулась на дверь. До кухни было всего несколько шагов. До ее комнаты наверху еще меньше, если считать напрямую сквозь пол.

— Вы все слышите?

— Не все. Достаточно.

У Тони пересохло во рту. В первую ночь она плакала над своей полоской ткани, а здесь за стеной стояла живая женщина. Та могла слышать, как ей предлагали комнату, ужин, работу. Слышать, как задвигался на ночь засов. Сама Тоня боялась, что не вернется домой; Листа не могла сделать даже шага до кухни.

Эдна вернулась с водой и мягким полотенцем. Тоня взяла чашку раньше, чем успела обдумать это движение.

— Можно я?

Листа посмотрела на ее руки.

— Если не станешь лить сверху, как в горшок.

Тоня подошла ближе. Поддержала чашку у губ. Листа сделала несколько глотков, остановилась, перевела дыхание. Тоня не торопила. Вода дрогнула, отразив узкую полоску света.

— Еще?

— Оставь.

Тоня поставила чашку на полку, поближе к Листиной руке.

— Почему вы здесь?

Эдна взяла ее за локоть.

— Выйдем.

Тоня высвободилась.

— Я спросила у нее.

Листа медленно облизнула пересохшие губы. Выпрямилась, насколько позволяли полотняные опоры.

— Потому что вашим горожанам понравилось лето.

Эдна положила полотенце на полку.

— Листа, сейчас нельзя...

— Сейчас ты опять расскажешь, в какой час мне можно говорить?

Голос не стал громче. От этого Тоне захотелось отойти от Эдны еще на шаг.

Снаружи хлопнула калитка. Радан вернулся один. Старшину не застал дома, его искали на южном складе. Он вошел, остановился возле завесы, и Тоня увидела, как с его лица уходит прежняя рабочая сосредоточенность.

— Я думал, здесь основа, — произнес он.

— Здесь она и есть, — ответила Эдна слишком быстро.

Листа закрыла глаза.

Тоня поставила лампу выше.

— Здесь женщина. Скажите хоть один раз так, как есть.

Эдна устало опустилась на пустой ящик. В тесной кладовой всем сразу стало негде держать руки.

— Ее связали с рамой сорок восемь лет назад. Во время большого паводка. После удержали переход. Так долина получает ровную погоду.

Радан повернулся к ней всем корпусом.

— Ты говорила, это собранная весна. Старый отпечаток.

— Так говорили всем.

— Я спрашиваю тебя.

Эдна подняла глаза. В них не было слез, только испуг человека, у которого кончились привычные слова.

— Да. Я тоже так говорила.

Тоня смотрела на Листу. Та не выглядела существом, способным быть весной. У нее были грязные ногти, след от полотняной полосы на плече и упрямо сжатый рот. Но когда ее пальцы коснулись влажной стойки, крошечное пятнышко мха в трещине стало ярче. Разрослось на ширину ногтя и замерло.

В ответ наверху застонала балка.

Радан поднял голову.

— Не надо, — сказал он.

Листа убрала руку.

— Мне надоело слушаться.

Тоня протянула ей влажное полотенце. Листа взяла, медленно провела по лицу. Ее рука дрожала. Эдна наклонилась помочь, но женщина отвела локоть.

— Не сейчас.

Эдна отступила.

С внешней стороны каморы Тоня заметила знакомый двойной узел. Он был почти незаметен под серой коркой пыли, прижат к боковой стойке. Та самая маленькая перемычка, длинный несущий конец, короткий, завернутый внутрь. Руки вспомнили прежде, чем она решила что-нибудь делать.

Листа заметила ее взгляд. Потянулась к короткому краю, но ткань под ее пальцами сразу стянулась, прижимая перемычку к стойке.

— Со мной они умеют только крепче, — сказала она и убрала руку.

Тоня коснулась грязной ткани. Под ее пальцами узел остался неподвижным.

Радан поймал ее за запястье.

— Подожди.

— Я вижу узел.

— Здесь вся сеть под нагрузкой. Сперва нужно понять, что он держит.

Сегодня утром она бы выдернула руку. Сейчас вспомнила Дору, стоящую среди мокрой крупы. Не отстранилась, только посмотрела ему в лицо.

— Тогда понимайте. Сейчас. Пока она стоит здесь.

Он отпустил ее. Присел возле стойки, проследил взглядом, куда уходит длинный конец. Эдна поставила рядом вторую лампу. Они заговорили коротко, называя опоры и натяжение. Тоня слышала лишь часть, но различала самое важное: полотняная камора удерживала тело отдельно от связи, уходившей наверх. Снять нижние опоры можно было постепенно. Верхняя основа от этого не исчезала.

— Что будет, если ее вынуть? — спросил Радан.

Эдна провела пальцем по боковой полосе.

— Равновесие сдвинется. Насколько, не знаю. Этого никто не делал.

— Значит, до осмотра верхней рамы нельзя.

Листа тихо рассмеялась.

— Еще один осмотр. У вас всегда находилась лестница, на которую сначала надо подняться.

Тоня посмотрела на нее, потом на Радана.

— Осмотрите. Но она сегодня получит стул. И нормальную еду. Если для этого нужно полночи разбирать ваши полосы, будем разбирать полночи.

— Ты не понимаешь... — начал Радан и замолчал под ее взглядом.

— Поэтому спрашиваю и жду. Только ждать с вами удобнее, чем вот так, правда?

Он отодвинул пустой ящик и освободил место возле каморы.

— Принеси крепкий стул. Эдна, покажешь, какие опоры можно ослабить без верхней тяги. Полностью не отпускаем, пока я не посмотрю раму.

Листа ничего не сказала. Лишь отвернулась от них, будто слишком много раз слышала начало обещаний.

Тоня принесла из кухни два стула: один для Листы, другой себе. Потом налила в миску горячую похлебку, нашла чистую ложку. Когда вернулась, Эдна уже промывала первый крепежный узел, а Радан держал боковую стойку. Листа смотрела на пар над миской.

— Это с луком? — спросила она.

— Да.

— Дай поближе.

Тоня пододвинула стул и села рядом. До утра оставалась целая ночь, и она впервые за эти дни знала, возле кого ее проведет.

Глава 6. Весне нельзя открывать дверь

К рассвету Тоня знала, как скрипит каждая ступенька лестницы на чердак. Радан поднимался туда трижды, возвращался, спрашивал Эдну про очередную полосу, снова уходил. Верхняя рама оставалась на месте. Нижние крепления понемногу ослабили, и Листа теперь могла опираться на стул, но встать и выйти все еще не могла.

Тоня сидела рядом, подставив ладонь под чашку. Листа уснула ненадолго, склонив голову к стойке. Приходилось придерживать воду, чтобы та не пролилась на рабочие узлы. После вчерашнего Тоня боялась случайной капли почти так же, как нового ответа Эдны.

За окном посерело. Из города донесся первый стук колес.

Радан спустился с чердака и долго мыл руки у корыта. Потом вошел в кладовую.

— Верх держит. Но северный направляющий рукав свернут. Снаружи весь в грязи, крепления давно не открывали. Сразу ничего не повернуть.

— Его и не трогаем, — ответила Эдна.

— Если снять нижнее удержание, тяга пойдет туда. Куда потом пойдет вода, надо смотреть на водосбросе.

— Ты знаешь путь.

— Я знаю старое русло. Сейчас не знаю, что выдержит затвор.

Листа открыла глаза.

— И сколько тебе нужно?

Радан присел, чтобы не разговаривать с ней сверху.

— Осмотреть путь, вернуться. Подготовить отвод. Я не назову срок прежде осмотра.

— Хорошее удобство. Можно ждать без конца, раз срок не назван.

— Я не прошу ждать без конца.

— Все просили понемногу.

Листа выпрямилась, и полотняная полоса под ее левой рукой натянулась. На чердаке ответила балка. Эдна быстро положила ладонь на стойку, проверяя дрожь.

Тоня поставила чашку на полку.

— Мы можем снять то, что держит ее тело, и оставить остальное?

Радан перевел взгляд на Эдну.

— Снять можно, — сказала та. — Связь останется. Сама основа наверху никуда не денется.

— Но равновесие изменится.

— Оно уже меняется. Боковая полоса трет нижний ход. Посмотри, как его перекосило.

Они долго молчали над креплением. Тоня не вмешивалась: ей слишком хотелось услышать удобное «можно», чтобы доверять своему пониманию. Она смотрела, как Радан пробует стойку, как Эдна проверяет петлю со стороны стены. Наконец Радан убрал руку.

— В пределах дома. Без рывков. Если тяга станет расти, останавливаемся.

Листа смотрела на него так, будто он предложил ей большое одолжение за ее же счет.

— Я услышала, — произнесла она.

Эдна принесла низкую скамейку, поставила под ноги узницы. Радан придерживал стойку, чтобы натяжение не повело дерево. Тоня вымыла последний узел. За ночь он успел размокнуть снаружи, но внутри оставался плотным. Она сняла ногтем грязь с поперечной перемычки, попробовала просунуть палец.

— Дай слабину, — сказала Эдна.

Радан чуть подался плечом. Короткий край освободился. Тоня повернула его на изнанку, медленно, чувствуя, как каждая складка перестает тянуть следующую. Полоса легла на ее ладони.

Листа не упала. Просто вдруг оказалась слишком легкой для того усилия, которым держалась до сих пор. Она схватилась за Тонино плечо и стояла, глядя на собственные ноги.

— Можно? — спросила Тоня, протягивая вторую руку.

Листа кивнула.

Они отошли от стойки на один шаг. Потом на другой. За спиной вздохнула освобожденная ткань. В доме громко хлопнула дверь, хотя никто к ней не подходил.

Тоня замерла.

Из-под пола пришел глухой перекат. Вода где-то в глубине прошла по камню, задела закрытый ход и стихла. Лампа на полке качнулась. На оконном стекле выступили капли, крупные и холодные, хотя за окном начинался сухой день.

Радан выпрямился.

— В кухню. Подальше от нижнего угла.

Листа сделала еще шаг, держась за Тоню. Ее ступни касались пола осторожно, будто доски могли оказаться ненастоящими. Из каморы она вышла сама. На пороге остановилась, повернулась и посмотрела на пустое место между стойками.

Эдна отступила в сторону. Никто не произнес ничего подходящего для такого взгляда.

В кухне Листа села возле печи. Тоня подложила ей под ноги сложенный мешок, подвинула теплую миску. Женщина взяла ложку и принялась есть с медленным упорством человека, который не доверяет своему праву на завтрак.

Радан ушел проверять двор. Эдна несколько раз собиралась выйти за ним, но оставалась у двери.

— Сколько тебе было? — спросила Листа, не поднимая головы.

— Девятнадцать.

— Я помню. У тебя коса лежала через плечо. Ты прятала руки в рукава, чтобы не видеть, как они дрожат.

Эдна обхватила себя за локти.

— Тогда вода шла через нижнюю улицу. Люди стояли на крышах.

— А потом?

Эдна открыла рот и закрыла.

Тоня убрала пустую чашку. Ей хотелось уйти, дать им говорить без свидетеля, и одновременно было страшно оставлять Листу с человеком, который сорок восемь лет находил объяснение закрытой двери.

— Потом стало спокойно, — сказала Эдна. — И мы оставили все как было.

— Вы оставили меня.

Эдна опустила голову.

За окном посыпался дождь. Редкие капли ударили в теплую пыль, забарабанили по пустому ведру. Дождь кончился почти сразу. Следом из-за стены пришел ветер, поднял на столе угол салфетки и бросил ее на пол.

Листа перестала есть.

— Дверь откройте.

Эдна шагнула к ней.

— Радан велел пока...

— Я хочу увидеть небо.

Тоня открыла кухонную дверь во двор. Сделала это медленно, чтобы никто не принял движение за бегство. Листа подошла, держась за косяк. За порогом зеленела яблоня. На листьях блестели неровные капли; одна висела на самом кончике ветки, никак не падая.

Листа смотрела вверх так долго, что Тоня перестала следить за временем. Потом женщина спустилась на первую ступеньку, на вторую. Тоня держала ее под локоть. Когда они дошли до яблони, Листа положила ладонь на кору.

На расстоянии нескольких пальцев от ее руки набухла почка. Раскрылась маленьким светлым листом. Все остальное дерево осталось прежним.

Листа прижалась лбом к стволу.

Тоня отпустила ее локоть, но не отошла.

У ворот появился Радан. Он остановился, увидев их, потом поднял глаза на дом. На верхнем чердачном окне мелко дрожала щеколда.

— Надо вернуться внутрь.

— Она только стоит, — сказала Тоня.

— Я вижу. Вода в нижнем желобе уже поднялась на ладонь.

Листа не повернулась.

— Там есть решетка.

— Есть. И старое дерево. И камень, который не становится новым оттого, что о нем забыли.

Она убрала ладонь с коры. Молодой лист остался на ветке.

У ворот опять стукнуло. Во двор вошел невысокий широколицый мужчина в добротном темном кафтане. За ним двое несли плоский ящик и сверток черных тесемок. Мужчина снял шапку, оглядел мокрые листья, ведро, Тоню. На Листе его взгляд задержался.

— Эдна. Что вы сделали?

Хозяйка вышла на крыльцо.

— Сняли нижнюю камору.

— Я распорядился дождаться меня.

— Распоряжение не пришло.

— Потому что мне передали об ослабшем креплении, а не о том, что вы собираетесь его снимать.

Радан встал между воротами и старым желобом, освобождая проход. По тому, как он сжал губы, Тоня поняла: разговор с этим человеком будет долгим и неприятным.

— Ераст Вельм, городской старшина, — сказал мужчина, обращаясь к ней. — Вы гостья Эдны?

— Да.

— Тогда вам не следовало участвовать в том, чего вы не понимаете.

Тоня не нашла быстрого ответа. После вчерашнего он был бы особенно дешевым.

— Наверное, — сказала она. — Только там была живая женщина.

— И сейчас здесь живые люди. Две тысячи человек, у которых дома, огороды, подвалы. Для них этот дом и работает.

Он произнес это без нажима, словно перечислил то, что Тоня обязана была уже учитывать. За его спиной помощник переставил тяжелый ящик с руки на руку. Обычный усталый мужчина; возможно, у него тоже был дом у воды.

Вельм повернулся к Листе.

— Нужно восстановить удержание. Временно. До решения.

— Решение уже было сорок восемь лет, — ответила она.

— Я не принимал первого.

— Зато принес новые тесемки.

Тоня посмотрела на черный сверток. Вельм не стал прятать его за спину.

— Радан, ты обследовал низ. Скажи ей, что происходит.

Радан провел ладонью по щеке.

— Нагрузка пошла в старый обход. Пока невелика. Северный водосброс нужно осмотреть до любого дальнейшего движения.

— Значит, вернем все на место.

Радан молчал слишком долго.

— Это безопаснее, — сказал он наконец. — На время осмотра.

Тоня отступила от него на полшага. Она ждала, что он сейчас скажет: вчерашние овощи были только началом того, что может произойти, когда человек берется за незнакомое. Он имел право помнить ее ошибку. От этого не становилось легче смотреть на приготовленные полосы.

— Где именно вы предлагаете ей побыть? — спросила она. — Покажите рукой.

Радан взглянул на дверь кладовой.

— Я предлагаю удержать давление.

— С ней внутри.

— Да.

Он не стал прятать ответ в другое слово. Тоня ощутила странную злую благодарность и сразу оттолкнула ее.

Листа развернулась к дому. Все напряглись, но она лишь поднялась на крыльцо. Движения были медленными, непривычными. Тоня пошла рядом.

— Я сяду у печи, — сказала Листа. — Мне холодно. Если хотите тащить меня дальше, придется тащить.

Вельм сделал знак помощникам подождать. Подошел к Эдне, заговорил тише, но Тоня все равно слышала каждое слово.

— У тебя до полудня. Успокойте ее. Разберитесь. Я приведу людей для наружных креплений. Ты сама видишь, что началось.

— Вижу.

— Тогда не делай вид, что можно отвечать только за одну дверь.

Он ушел. Помощники унесли ящик, черные полосы оставили на скамье.

Тоня подняла сверток и занесла его в кладовую. Положила на дальнюю полку. Ничего не порвала, не спрятала под дрова. Ей хотелось сделать с этими тесемками что-нибудь окончательное, но от порванной ткани у Листы не появилось бы выхода.

Когда вернулась, Радан стоял у кухонного стола. Между ними лежала слетевшая салфетка; никто ее так и не поднял.

— Я не дам ей уйти к горе, пока не проверю путь, — сказал он.

— Она пока даже до яблони идет, держась за меня.

— Это не значит, что через час не попробует.

Тоня посмотрела на Листу. Та грела руки у печи, повернув лицо к открытому окну. Выражение было спокойным, почти отсутствующим. Тоня уже знала, как мало это выражение говорит о намерениях.

— Тогда останьтесь и помогите найти другой способ, — сказала она Радану. — Уговаривать нас вернуться в кладовую вы уже умеете.

Он поднял с пола салфетку, отряхнул и положил на лавку.

— Я остаюсь, — ответил он.

Снаружи снова пошел дождь, совсем короткий. По двору побежали люди, спасая сохнущие вещи. А в кухне женщина, которая была Весной, сидела возле обычной печи и ждала, когда чужой город решит, достаточно ли ей сегодня воздуха.

Глава 7. Капля на другой стороне

Листа попыталась уйти, когда Эдна поднялась на чердак, а Радан вышел к нижнему желобу.

Никакой хитрости в этом не было. Она встала с кухонной лавки, поправила широкую юбку, которую ей принесла хозяйка, и пошла к воротам. Тоня догнала ее у яблони.

— Куда вы?

— Наверх.

— Вы знаете дорогу?

— Река знает.

Тоня посмотрела на ее ноги в мягких старых башмаках. Эдна нашла их в сундуке; один был великоват и норовил соскользнуть с пятки.

— Река, может, и знает. А башмак вы еще до угла потеряете.

Листа раздраженно оглянулась, но остановилась. Позволила Тоне подтянуть завязку. Когда та поднялась с колен, женщина держала руку на калитке.

Дерево под ее ладонью потемнело от влаги. Листа наклонилась, коснулась вьюнка, цеплявшегося за нижнюю щель. Его тонкая плеть поползла вверх. Листа сжала пальцы, стараясь протянуть ее по всей калитке, но вьюнок успел выпустить только два листика, прежде чем с чердака донесся резкий деревянный скрип.

Листа согнулась, будто ее толкнули между лопаток. Калитка осталась закрытой.

Тоня подставила плечо. Тяжесть оказалась неожиданно человеческой. В этой женщине можно было видеть Весну, пока она касалась дерева; когда она едва держалась на ногах, требовались крепкая опора и место, где сесть.

Из-за стены вышел Радан.

— Не трогай живое с силой, — сказал он. — Наверху каждый раз тянет.

— Я знаю.

— Тогда зачем?

Листа подняла голову.

— Чтобы убедиться, что я еще могу.

Радан замолчал. Тоня помогла ей сесть на ступеньку. Молодой росток на калитке поник, но остался зеленым.

— Я думала, вы можете позвать дождь, — сказала Тоня. — Или ветер. Чтобы вас... чтобы они увидели, что вы сможете уйти.

— Я могу согреть землю под ладонью. Дать влаги корню, который еще жив. — Листа смотрела на свои пальцы. — Пока эта основа держит меня, всякое большое движение идет обратно в нее. Вы это слышите.

— А если просто идти?

— Пойду.

Радан сел на край нижней ступеньки, оставив между ними расстояние.

— Верхний каменный круг еще стоит. Эдна говорит, привязка дальше не отпустит. До него три часа пешком, если не торопиться.

— Эдна говорит.

— Она знает устройство.

— Знает. Это я заметила давно.

Тоня терла ладонью мокрое колено. Ей хотелось попросить Листу хоть раз ответить прямо, но слова застряли. После сорока восьми лет чужих условий прямой вопрос тоже мог казаться началом новой завязки.

— Вы не обязаны верить ей, — сказала она. — Только если за кругом станет плохо, там не будет кухни и стула. Давайте сначала поймем, что взять.

Листа медленно повернула к ней лицо.

— Ты уже собираешь мне дорогу?

— Я пытаюсь не собирать потом вас по кусочкам. Простите. Плохо сказала.

Радан посмотрел на Тоню, и она заметила короткое движение у него возле рта. Улыбка не состоялась. Он поднялся, принес из кухни чашку и поставил на ступеньку рядом с Листой.

— Пей. На пустом желании до круга не дойти.

Листа взяла чашку, не поблагодарив. Тоня вдруг поняла, что давно ждала от нее благодарности и сердилась, не получая. Понимание было неприятным. Она помогала живому существу выйти из каморы, а теперь требовала удобного выражения лица за каждый принесенный стул.

Тоня отошла в прачечную.

На рассвете, пока Радан был на чердаке, Тоня принесла свою кромку вниз: хотела при дневном свете посмотреть, осталась ли трещина на стежке. Потом освобождали Листу, пришел старшина, и про доску она забыла. Теперь на ней лежала сухая полоска старого полотна, ничем не связанная с двором, чердаком и чужой весной. Последняя вещь, которую Тоня сама выбрала в прежней жизни.

Она наливала себе воду, когда капля с кувшина упала на узор.

Край свернулся.

Тоня сразу поставила кувшин. Наклонилась, не прикасаясь. Между двумя стежками появилась темная щель, такая же узкая, как при первой проверке. Но сегодня в глубине на мгновение мелькнула светлая желтая полоса.

Она успела увидеть ее прежде, чем стала вспоминать кухню Веры. У сестры возле окна были желтые стены. Тоня боялась этого совпадения сильнее, чем полного отсутствия признаков: память легко могла подставить нужный цвет в любую темноту.

На ткани висела капля. Она медленно вытянулась, коснулась щели и исчезла.

Доска под кромкой осталась сухой.

Тоня поднесла ладонь снизу, проверила. Ничего. Капля не растеклась по ткани: возле нее белая нить тоже была сухой.

— Эдна!

Она позвала слишком громко. На лестнице загремели шаги, в прачечную вошел Радан, за ним хозяйка. Листа появилась последней и остановилась у дверей.

— Смотрите. Здесь прошла вода. Капля. Ее нет снизу.

Эдна наклонилась, закрывая свет, тут же отодвинулась. Взяла чистую ложку, набрала совсем немного воды.

— Не лей, — сказала Тоня. — Вдруг захлопнется.

— По одной.

Они положили кромку на сухую белую тарелку. Эдна отпустила с кончика ложки маленькую каплю. Та задержалась на узоре, дрогнула и ушла в щель. На тарелке не появилось ничего.

Тоня прижала ладонь к столу. Хотелось закричать, позвать Веру по имени так громко, чтобы она услышала в своем городе. Она не издала ни звука, боясь, что даже дыхание сейчас повредит случившемуся.

Третья капля осталась сверху. Щель свернулась в обычную морщинку на ткани. Желтая полоска исчезла.

Эдна попробовала увлажнить второй край. Ничего не изменилось.

— Хватит, — сказала Тоня. — Дайте ей.

Она не знала, что именно предложила дать ткани: отдых, время, собственную просьбу. Эдна послушалась и положила ложку.

Радан стоял сбоку, не закрывая окно.

— Ты видела другую сторону?

— Только цвет. Может быть. Но вода прошла. Вы тоже видели?

— Видел.

Тоня посмотрела на Эдну.

— У сестры кусок. От этого же полотна. Я оставила, когда гостила. Она хотела кухонную занавеску, небольшую. Край не обрезала.

— С такой же двойной кромкой?

— Да.

Эдна взяла доску, рассматривая ее под другим углом.

— Две влажные стороны сошлись в работе. Здесь край тонкий, основа не держит проход. Но сами кромки еще связаны.

— Значит, если у нее тоже намокнет...

— Возможно. Сейчас они совпали по влажности. Мы меняли воду здесь, а связь все равно закрылась. На другой стороне условия тоже имеют значение.

Тоня села на табурет. Слова «другая сторона» наконец обрели размер. За ней мог быть не отвлеченный мир, куда не знали дороги, а сестрина кухня. Глупый желтый цвет, который Тоне всегда казался слишком ярким. Цвет, из-за которого они спорили в магазине полдня.

— Я смогу ей сказать?

Эдна медленно положила доску на стол.

— Пока прошла капля. Другого я не обещаю.

— Хорошо. Пока капля.

Это «хорошо» далось Тоне с трудом. Ей хотелось немедленно получить всю дорогу обратно. Встать на стул, протиснуть плечо в невозможную щель, найти способ, который никто не догадался попробовать. Она подняла руку, приблизила палец к свернутому краю.

Ткань стянулась еще плотнее.

Эдна не успела остановить; Тоня сама убрала руку.

— Живое она не пропустит, — сказала хозяйка. — Видишь, закрылась заранее. И толстое тоже упирается. Здесь шов, а не место для тела.

Тоня смотрела на собственный палец. Нормальный палец, которым она могла нажать кнопку вызова на телефоне, расстегнуть сестрину заевшую молнию, придержать ей чашку. Здесь он оказался больше всей оставшейся дороги.

Листа подошла к столу.

— Ты хочешь туда.

— Да.

— А меня просишь сидеть.

Тоня подняла голову. Радан напрягся возле окна, но не вмешался.

— Я прошу вас дойти живой, — сказала Тоня. — И не унести с собой чужой дом. Я вчера испортила женщине запас еды, потому что решила: понимаю достаточно. Мне теперь очень хочется все делать медленнее. Даже когда нельзя медлить.

Листа посмотрела на кромку.

— Мне хочется быстрее. Даже когда нельзя.

Она не извинилась за прежние слова. Тоня не попросила. Между ними впервые осталось что-то ясное, с чем можно было дальше жить хотя бы до вечера.

Эдна унесла мокрые ложки. Листа вернулась к печи. Радан остался.

— Ты ведь понимаешь, что я не могу просто открыть ворота, — сказал он.

Тоня разгладила сухой край возле побелевшего стежка.

— Ворота вы можете. Выход дальше пока не знаете.

— Там внизу дома.

— Я видела.

— Ты была в одном погребе. Под нижней улицей проходит старое русло. Если вода пойдет через него, люди потеряют не только еду. Я не знаю, сколько выдержит обход. Про северный затвор мне три года отвечают, что сейчас важнее выдать сухой день огородам. Потом еще сухой. Потом немного дождя, чтобы все выглядело целым.

Тоня посмотрела на него.

— Почему вы раньше не заставили их увидеть?

Он усмехнулся, но в усмешке не было веселья.

— Как? Закрыть людям воду, чтобы испугались? У меня не было готового ремонта. Было предложение разобрать половину хода и потратить на него запас дерева. Вельм говорил, что без доказанной срочности город этого не потянет. Я латал то, что мог.

— И теперь хотите запереть ее, потому что готового решения опять нет.

— Да. На то время, пока оно появится.

Тоня положила руки на колени, чтобы не мять ткань.

— А если не появится? Вы честно скажете, что собираетесь оставить ее навсегда?

Радан отвернулся к окну. Во дворе лежали упавшие от ветра яблоневые листья. Их уже подмели в маленькую кучку, хотя ветер еще не кончился.

— Я не хочу оставлять ее там.

— Я вам верю. Только ей от вашего нежелания пока мало пользы.

Он резко повернул голову, и Тоня приготовилась к ответу. Но Радан помолчал, потер ладонью затылок.

— А мне от твоей веры мало пользы, если ты обещаешь людям безопасность, которой нет.

— Я еще не обещала.

— Тогда не обещай.

Тоня сжала губы. Ей захотелось сказать, что он не начальник станции, не старший в ее жизни и не имеет права разговаривать так заранее. Потом она вспомнила его руку на нижней двери Доры и удержала слова.

— Давайте начнем с того, что известно, — предложила она. — Здесь ее держит рама. Там старый водосброс. Чтобы понять, можно ли снять связь, надо увидеть оба места. Это правда?

— Да.

— Если вы пойдете туда один, Вельм за это время вернет ее в камору.

Радан посмотрел в сторону кухни. Ответа у него не было.

С улицы донесся стук в ворота. Митр просунул голову в калитку, увидел Радана и поманил. Братья заговорили негромко, но последние слова Тоня услышала из окна.

— Старшина людей собирает. Говорит, вернуть порядок в доме. До полудня никого не выпускать.

— Сколько?

— Пока шестеро. Я сказал, что у меня брус для тебя. Радан, что вы там натворили?

Тоня завернула кромку в сухую ткань и убрала в карман. До Веры, возможно, добрались только две капли. Этого было мало для возвращения и достаточно, чтобы больше не оставлять полоску на чужом подоконнике.

Под полом глухо ударила вода.

Глава 8. Куда ведет старая вода

Первый удар был коротким. Второй прошел под домом так, что на кухонной полке звякнули чашки.

Радан уже бежал во двор. Митр отдернул от стены привезенный брус, освобождая подход к желобу. Тоня выскочила следом и увидела, как из щели между камнями сочится вода. Она шла мутной полосой, несла мелкий песок и клочки старых листьев.

— Эдна, к нижнему затвору! — крикнул Радан. — Только не поднимать до конца!

Он сорвал деревянную крышку у основания стены. Под ней оказался низкий колодец с железной рукоятью. Тоня видела его вчера, когда выносила ведра, и приняла за обычный слив. Теперь из глубины доносился тяжелый шум.

Эдна присела возле рукояти. Радан показал ей положение, сам побежал к воротам.

— Куда вода? — спросила Тоня.

— По старому руслу. К нижней улице.

Внизу закричали.

Тоня рванулась за ним. Листа вышла из кухни; на мгновение они встретились глазами. Женщина больше не держалась за стену, но походка оставалась неуверенной.

— Здесь не трогайте ничего, — сказала Тоня. — Пожалуйста.

Листа посмотрела на затвор, на мокрые камни.

— Я пойду с вами.

Они спускались по улице почти бегом. В центральной канаве вода уже поднялась до края. Люди оттаскивали от ворот корзины, один мужчина пытался поймать уплывающую крышку бочки. Из-под мостовой у поворота била тонкая струя. Никакой огромной стены воды не было. От этого происходящее казалось еще страшнее: все оставалось знакомым, обычным, только вода появлялась там, где ее никогда не ждали.

Возле постоялого двора стояли постояльцы с поднятыми тюками. Дверь в погреб была распахнута. Дора не отвечала на оклики сверху.

Радан спустился на несколько ступеней и вернулся за брусом, который принес Митр.

— Нижнюю полку сорвало. Прижало ногу. Воды пока по колено. Митр, со мной. Остальные от двери.

Тоня схватила пустое ведро, но он остановил ее жестом.

— Сперва освободим. Ведрами этот приток не остановишь.

Она поставила ведро. Прижала ладони к бедрам, заставляя себя выслушать до конца.

— Что делать мне?

Радан посмотрел на лестницу.

— Свет держать. Потом подашь веревку, если скажу. Под полку не лезь.

Тоня взяла у стоявшей рядом женщины лампу. Спустилась, прикрывая огонь от сквозняка. В погребе пахло холодным камнем и вчерашней вымытой землей. Там, где она ползала с тряпкой, теперь шла вода. Дора сидела возле стены, опираясь спиной на ящик. На ее коленях лежала доска сорванного стеллажа. Один башмак застрял под нижним ребром.

— Я только корзины забрать, — сказала она, увидев Тоню. — Верхние пустые. Вода из стены пошла, я хотела дверь открыть шире, а оно...

Она сердито дернула плечом, словно доска держала ее из личной вредности.

— Сидите пока, — сказала Тоня. — Они поднимут.

— А ты мне подышать еще разреши.

Тоня промолчала. В другое время ответила бы, теперь была рада самому Дориному голосу. Он звучал крепко, и его можно было держаться.

Радан просунул брус под край стеллажа. Митр встал с другой стороны. Они попробовали поднять, но верхняя доска зацепилась за железный крюк в стене.

— Нельзя выше, — сказал Радан. — Поведет весь остаток. Тоня, лампу к левой стойке.

Она переставила лампу. Радан протянул ей конец веревки.

— Пропусти под край, который у Доры на коленях. Руки далеко не суй. Когда Митр удержит, тяни к лестнице. Дора, башмак придется оставить.

— Я его только в прошлом месяце подшила.

— Второй останется. Будет с чем сравнивать новый.

Дора выругалась негромко и зло. Тоня чуть не рассмеялась от облегчения, но вода коснулась икр, и смех пропал. Она присела, чувствуя сквозь брюки холод. Провела веревку там, где показал Радан. В темноте под доской что-то шевельнулось; всего лишь пустой мешок, но рука дернулась сама.

— Я здесь, — сказал Радан. — Держу.

Тоня протащила веревку и выпрямилась.

На верхней ступеньке стояла Листа. Она смотрела на воду, нахмурившись. Протянула к воде обе руки, словно хотела согреть весь затопленный угол. На ближайшем камне поднялся легкий пар.

Наверху глухо ответил дом.

Радан поднял голову.

— Не надо!

Листа отняла руки. Лицо стало жестким.

— Я только хотела согреть.

— Сейчас держи лампу. Тоня будет тянуть.

Секунду она не двигалась. Потом спустилась еще на ступеньку, взяла лампу обеими руками. Свет перестал качаться.

Митр навалился на брус. Доска приподнялась. Тоня потянула веревку, сперва слишком резко, затем ровнее. Радан удерживал край, не давая ему повернуться к Доре. Женщина вытащила ногу из башмака и поползла к лестнице. Тоня перехватила ее под локоть. Они поднялись вместе, цепляясь за мокрые ступени.

Во дворе Дора села прямо на бочку. Кто-то принес сухую тряпку, кто-то стал спрашивать, не нужно ли звать соседей. Голоса полезли один на другой. Мужчина с тюками пытался протиснуться мимо, уверяя, что у него внизу ценный товар.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.